

УДК 82-1 (093.3) (575.2)

КЫРГЫЗСКАЯ АКЫНСКАЯ ПОЭЗИЯ В ДОСОВЕТСКУЮ ЭПОХУ**Мамбеталиев К.И.***Международный университет Атамюрк-Алатоо, Бишкек,
e-mail: mambetaliev@gmail.com*

Рассмотрена досоветская стадия процесса развития национальной словесности, которая имеет преемственную связь, идущую от жанров древнего фольклора до произведений авторов 21 века. Акынская поэзия кыргызов в формах ее классического воплощения была начата в 19 веке и завершилась в советское время, к 50–м годам 20 века, когда еще были живы представители этого исполняемого в устной форме вида словесного искусства. Показаны образцы наследия первых акынов, заложивших основы жанра. Дан анализ творчества Калыгула и Арстанбека (представителей дописьменного периода акынского творчества), а также их преемника Молдо Кылыча, который стал первым акыном-писменником и довел это искусство вплоть до начала Октябрьской революции 1917 года. Внимание акцентировано на том, что творческое наследие акынов оказало мощное влияние на последующее развитие всей кыргызской литературы.

Ключевые слова: акын, акынская поэзия, импровизация, поэтические состязания, критика власти, сарказм и ирония, устная форма творчества, акыны-писменники

KYRGYZ AKYN POETRY IN PRE-SOVIET EPOCH**Mambetaliev K.I.***International University of Ataturk-Ala-Too, Bishkek,
e-mail: mambetaliev@gmail.com*

The pre-Soviet stage of the process of development of national art literature that has continuity links from ancient folklore genres to authors of works of the 21st century is presented. Akyn Kyrgyz poetry in the forms of its classic incarnation began in the 19th century and ended in the Soviet era to the 50th years of the 20th century, when there were alive the last representatives of this kind of verbal art, executed mainly in the form of word of mouth. Samples of their poetic heritage, recorded in writing in the first decades of Soviet power were showed. Made a creativity analysis of Kalygul and Arstanbek (they laid the foundations of the genre), their brilliant successor as Moldo Kylych, who brought this art to the 20 century (Oktober Revolunijy in 1917). Attention is accented on the fact that this had a powerful influence on the subsequent development of the whole of Kyrgyz literature.

Keywords: akyn, akyn poetry, improvisation, poetry competition, criticism of power, sarcasm and irony, oral form of creativity, akyns-writers

Акынская поэзия имела место среди кочевых народов Центральной Азии, особое развитие она получила среди кыргызов и казахов. Они выступали обычно в устной поэтической форме под аккомпанемент струнного музыкального инструмента (комуза у кыргызов и домбры у казахов). Отмечается, что их воспринимали в качестве народных певцов, которые выражали чувства простых людей и обличали социальные пороки своего времени. Акынское искусство отличается от искусства манасчы (исполнителей кыргызского героического эпоса «Манас») тем, что излагает не наследие устного народного творчества, а актуальные проблемы текущей жизни народа. Само понятие «акын» уйгурского происхождения, так называли в древности того, кто мог в афористичной форме выражать чувства людей, по сути это были властители дум народа. Что касается использования музыкального инструмента, то это не абсолютное требование, были исключения, когда исполняли без всякого инструмента (подобное практикуется и сегодня). Рассмотрим наследие трех классиков кыргызской акынской поэзии, их творчество имело место в период от начала 19 века до начала 20 века.

Калыгул Бай уулу (1785–1855)

Он первый из этой плеяды, с него все и начинается. Известный фольклорист Ы.Абдыракманов, оценивая масштаб влияния Калыгула на последователей, назвал его «отцом всех кыргызских акынов» [1]. Он был советником при правителе кыргызского рода «сарыбагыш» хане Ормоне. Образование получил в рамках арабской грамоты. Имел огромный авторитет среди народа, разрешал споры, критиковал хана Ормона. Признание шло от того самого «трудового народа», врагом которого его представили исследователи в советский период. Не шел на поводу власть имущих, потому и стал столь авторитетным среди кыргызов (они во все века презирали придворных певцов).

Отметим деталь, которая отличала его от других. Он не использовал комузу, ибо по своему манапскому (знатному) статусу полагал, что не может играть на инструменте и выступать на свадьбах и поминках, как это делали обычные акыны. Стихотворения его имеют дидактический характер, это жанр назиданий в виде мудрых советов, изложенных в художественной форме, при этом он не предстает сухим морали-

стом. Литературоведы отметили, что «поэзия Калыгула – это афористическая поэзия, где точно и метко схватывается содержание вещей, используются краткие впечатляющие образы [2, с.39]. Он внес легкость и простоту в поэзию, слова звучат изящно и доходчиво, у него совершенный ритмический слух. На русский язык его впервые начали переводить в суверенное время (в 1990–е годы), потому что в советский период он был под строгим запретом, как носитель «родимых пятен» реакционного прошлого. Вот отрывок из «Обращение к хану Ормону» в переводе Вячеслава Шаповалова.

Будь же добрей с народом своим,
Кто раб и батрак – стань оплотом им,
Не то придет испытанье к нам,
Перед которым не устоим.
(перевел В. Шаповалов) [8, с.19–20]

Главную часть своих изречений акын Калыгул условно объединил под названием «Акыр заман сөздөрү» («Слова конца света»). Отсюда и возникла «тема замана» (тема времени) в кыргызской литературе. Акын начинает тему с библейского Адама и предсказания пророка о конце света, описывает человека, с которого и начнется этот конец – малого роста и лысый, и полагает, что потом пойдут напасти – исчезнут пастбища, сын перестанет чтить отца, раб станет властвовать, жена выдворит мужа, пропадет скот. На фоне таких откровений дана отповедь методам управления, которые внедрял хан Ормон. Говорит не с религиозных позиций, а с точки зрения реальной действительности. Объект его обращения не всевышний повелитель, а земной правитель. Говорит не о том, что настанет конец света за всеобщие грехи человечества, а о том, что кыргызы придут к последней своей эпохе, если не изменят уклад своей жизни и не смогут породить мудрых правителей. «Конец света» в смысле теологии его интересовал в последнюю очередь.

Хан Ормон отличался крутым нравом в обращении со своими подданными. Калыгул саркастически реагировал на факты его жестокости и открыто предупреждал о чреватых последствиях.

Научись людей понимать,
Не надо их подавлять,
Бить не смей слугу,
Злобу уйми свою.
Поверь в мои слова,
Может настать момент,
Когда отомстит слуга.
И завершает свое беспрецедентное обращение к хану так.
Сейчас ты здесь великан,
Но можешь стать изгоем,
Если проклянет тебя народ,

С клеймом таким ведь тут
И места тебе не дадут,
Знай об этом, хан Ормон,
Изменчив мир, как сон.

(перевод автора статьи) [5, с.24–27]

Вопреки всему этому, идеологи социалистического реализма обозначили акына «выразителем интересов бай-манапской верхушки». Суть была в том, что он не вписывался в официальную доктрину дружбы кыргызского и русского народов. Его отторгли за то, что предсказал в негативном смысле приход русских на землю кыргызов, указав, что после них закончится безмятежная патриархальная жизнь. «Доктрина дружбы» оказалась настолько важнее, что критики закрыли глаза на разящие слова Калыгула, направленные прямо в лоб ханской власти. Советской власти нужны были не «истины» смелого акына, а «чаяния» трудового народа.

На гранитной плите, установленной на могиле Калыгула, высечены его слова.

Добрим будь, как эта земля,
Что держит терпеливо нас,
Чистым будь, как эта вода,
Что грязь смывает с глаз.

Если в дружбе будешь жить,
Все блага к тебе будут плыть,
Если злоба в душе обитает,

Трон золотой под тобою растает
(перевод автора статьи) [6, с.144–145]

Он призывал хана Ормона стать мудрым правителем (просвещенным монархом). Пытался влиять на него, понимая, что от личных качеств хана многое зависит в жизни народа. Это традиция откровенного диалога с властью, что во все времена требовало мужества. Ормон хан не стал просвещенным правителем. Калыгул умер в 1855 году, через год после того, как Ормон будет убит в ходе межродовой войны сарыбагышей с бугинцами. Эпоха их завершилась, но слова и слава акына остались навечно.

Арстанбек Буйлаш уулу (1824–1878)

Советские исследователи писали о том, что и этот акын вслед за Калыгулом не мог выйти за рамки патриархально-феодальных ценностей, что он встал на их защиту. В-первых, в его время не было иных ценностей, во-вторых, он не защищал, а критиковал эти самые ценности, то есть получается абсолютный парадокс. Здесь имеет место тот самый изъян советской методологии, о которой Николай Бердяев сказал так: «Я знаю только одно направление в этой области, которое до конца и последовательно разлагает и умерщвляет все исторические святыни и исторические предания, без компромиссов, совершенно последовательно, –

это направление марксистско-ленинского понимания истории» [3, с.10]

Исходя из этого, рассмотрим, какие ценности отражены в песнях Арстанбека. Главное место в его творчестве заняла тема «замана», продолжил традиции Калыгула и назвал свой цикл «Тар заман» («Трудная эпоха»). Стал очевидцем тех изменений, которые предвидел Калыгул, то есть стал очевидцем прихода русских к кыргызам и отразил в художественной форме данный процесс. Естественно то, что он сначала резко осудил этот факт, но потом отметил положительные стороны, которые начались после их прихода. В отличие от Калыгула, он сопровождал свои песни игрой на комузе и дал великолепные образцы в жанре «ай-тыш» (это публичное состязание акынов).

В народе его за яркий талант исполнения называли «булбул» («соловей»). Рано познал силу публичного слова и понял смысл предназначения акына как борца за свободу духа, за справедливость мироустройства. Сформулировал это так.

Если стать решил акыном,
Должен лстивых бичевать.
Смело оседлай коня,
Сирым детям помоги.
Беспощадным будь к тиранам,
Ложь сарказмом порази.
Сплетни в корне пресеки,
Будь щитом для бедняка
(перевод автора статьи) [2, с.136]

Здесь как бы планка, установленная для творцов. По сути это эстафета, которую он преемственно передает потомкам от своего знатного предшественника Калыгула. Очевидна также и близость к словам русского классика «о милости к падшим и истине царям». Арстанбек выражал эту истину с яростью и сарказмом. Вот его слова.

Народ его живет в нужде,
Но он не думает о том,
Не знает, что придет потом,
Черпает из казны ковшом,
Глаза не ведают стыда,
Аким наглеет без конца.
(перевод автора статьи) [2, с.90]

Что тут скажешь, «не в бровь, а в глаз». И сами слова эти (казна, аким) были в речевом обиходе во времена Арстанбека, они имели то же значение, что и в наши дни («казна» это бюджет, «аким» это глава района). Нет изменений, вечная борьба с вечной властью. Арстанбек был рупором своей эпохи и духовной опорой народа, который был для него главным стержнем, отсюда все исходило и сюда все возвращалось – власть, природа, история, чувства. Правитель вне народа был для него невыносим. Вот как он сказал об этом, слова стали

легендарными. Их перевод в исполнении автора статьи дан по той причине, что других переводов на русский язык нет (наследие акынов было объявлено «враждебным для трудового народа»).

Если слава до Солнца дошла,
Если руки достигли звезд,
Даже если всю планету
Сможешь ты один объять,
Лишь с народом ты велик,
Без народа ты «кийик» [2, с.98]

«Кийик» – это собирательное название горных животных типа козерога. Очевидна стихия народности в творчестве акына, она этим пронизана насквозь, и на таком фоне нелепо выглядит вывод о том, что он был «реакционен трудовому народу и солидарен с богатыми скотоводами». В те времена практически все северные кыргызы были скотоводами (рабочий и крестьянин еще не было). Да, были богатые и бедные (они всегда есть), но это был единый народ, управляемый знатью и вдохновляемый акынами.

«Антинародность» Арстанбека советские критики вывели из основного посыла темы «замана» – оценки влияния русских людей на уклад традиционной жизни кыргызов. Обратим внимание на этот момент. Необходимо отметить два подхода к разработке темы, а именно то, как он говорил о русских до их прихода и как после, иначе говоря, как изменялось с течением времени его личностная позиция по данному факту.

В молодые годы он повторил слова Калыгула относительно русских, а потом (на финише жизни) сказал о них уже от себя. Это важно для объективного понимания наследия акына. Сопоставим ранние и поздние вещи (перевод наш).

Говорили раньше нам,
Скоро русские придут,
Земли под учет возьмут,
Свободу твою отберут (...).
В крепкий капкан попадешь,
В солдаты сына поведешь (...)
Рога сломают смелым,
Заполнят распутством дома,
Трудным станет время
И горьким для бедняка [10, с. 22–26]

Сказанное воплотилось в жизнь, и нет ничего страшного в адрес русских. Акын точно отразил реальную действительность, критически осмыслил факты и события своего времени. Он же не мог закрыть глаза на то, как вытесняется старый кочевой уклад жизни. Это была естественная позиция для глашатая времени, за что и стал «врагом» для ангажированных исследователей, которые «умолчали», что Арстанбек не застыл на одной позиции, а увидел

и отразил те позитивы, что вошли в жизнь кыргызов.

С приходом русских солдат
Кыргызы снова в седле,
Покой обрели опять
На родной своей земле (...)
Жить под русским флагом
Бугинцам стало благом [10, с.112–113]

В своих оценках он ничего не искажил. Все было точно так. Повседневный быт стал улучшаться после прихода русских. Перемены были заметны. Акын не только объективен, но и актуален, слова его отличаются злободневностью, в них нет риторики и назидания, он конкретен к деталям жизни, он искренен к сородичам и беспощаден к правителям. Традицию инакомыслия продолжил с блеском, полагая, что самая главная миссия акына в том, чтобы выражать протест на диктат правителей.

Молдо Кылыч Шамыркан уулу (1866–1917)

Это родной внук знаменитого батыра Торогельды, который был предводителем войска «сарыбагышей» во время их битв с казахами и «бугинцами» (в середине 19 века). Родичи полагали, что мальчик станет правителем, но он стал аьном и вошел в историю как выдающийся продолжатель традиций Калыгула и Арстанбека. Весьма иронично относился к своей родословной. Вот его слова (здесь и далее перевод автора статьи опять-таки по причине полного отсутствия других переводов).

Кем были предки мои
Народ запомнил навсегда,
Как Ормон и Торогельды
Высосали все до дна [7, с. 210]

Сказать такое о своих «могучих предках» могли не многие. В отличие от своих братьев, он жил просто, довольствуясь малым. Стал многодетным отцом, овладел грамотой, умел писать и читать. Он основоположник письменного направления акынской поэзии в кыргызской литературе. Особое место в его наследии занимает произведение «Бүркүттүн тою» («Пир беркута»), о котором в свое время классик казахской литературы Мухтар Ауэзов сказал, что это есть «развернутая поэма, которой может гордиться любая нация». Акын сатирически олицетворял мир птиц и зверей в их «сословном многообразии». Здесь и орел, и соловей, медведь с котом и прочие персонажи. Тут пародия на традиционный ритуал с показом поवादок участников пира. Беркут дает «той» (торжественное угощение), приглашая всех птиц. И они выполняют свойственные им функции – кто-то режет скот, кто-то готовит дрова, кто-то варит мясо, а кто-то предстает

в виде приза для победителей состязаний. Призы дифференцированы по значимости и качеству. Хищные птицы участвуют в самом состязании, а безропотные выставлены в качестве призового фонда. И финал имеет глубокий смысл. Состязание было устроено по древней кыргызской традиции, выставлено десять призов, последний из них маленькая мышь. В конце участники стали драться за эту ничтожную награду.

Пустельга не могла смолчать,
Что награды ее лишили,
Стала приз она отнимать
Тот, что коршуну вручили.
Народ этот спор прекратил,
Скандал за приз остановил,
Сказав, что мышей навалом,
Хватит на всех с лихвой,
Берите и ешьте их даром.
На этом они сошлись
И по домам разошлись [7, с.102]

Акцент сделан на последнем из призов. Автор усмехается над натурой кыргызов, которым достаточно для удовлетворения честолюбия даже такой убогой мелочи.

В поэме «Зар заман» («Горькое время») акын развивает традиции Калыгула и Арстанбека. Начинается с сатирических зарисовок о людских пороках, потом речь идет о гнете, что испытывают кыргызы, о распре между родами, о старшинах, о молдо. Вот некоторые места в нашем переводе.

Путь свой всегда очищай,
Рук своих не распускай,
Человек скандальный вздорен,
Он вечно всем недоволен (...).
Если джигит плаксив,
Выглядит, как вдова,
Если чрезмерно криклив,
То он похож на осла [7, с.123–124]

Искать здесь классовые признаки не следует по той причине, что они не бывают там, где речь идет об извечных качествах человеческой природы. Акын ведь говорит, что плаксивые и крикливые мужчины всегда невыносимы в тех местах, где есть «вдовы и осла». Сам он верил в аллаха, соблюдал шариат, но не превратился в догматика ислама.

Из-за лживых молдо
«Орозо» и «намаз»
Потеряли вконец свой окрас,
Берут они плату, никого не щадя,
Не насытят себя до конца,
С прытью такой, как у пса,
Ищут усердно дома,
Где отпевают мертвеца [7, с.153–154]

«Молдо» – это мулла, «орозо» – месяц мусульманского поста (рамазан), а «намаз» это молитва. О служителях мечети сказано, однако, очень жестко, и звучит такое не от воинствующего атеиста, так пишет ав-

тор, который не считал религию «опиумом для народа». И вот на этом фоне советские идеологии находили у него «мистические противоречия». Центральное место в поэме занимают строки о русских (они даны в позитивном и негативном ракурсах). Понятия «негатив» и «позитив» мы здесь применяем в смысле оценки, которую давали советские исследователи – если ругают русских, то это негатив, если же хвалят, то позитив. На самом же деле и хвала, и хула у Молдо Кылыча говорят о полноте и цельности описания жизни, говорят о его мировоззренческой объективности, об умении видеть предметы и явления со всех сторон. В этом он похож на своего предшественника Арстанбека. Он увидел полезные новшества, что принесли с собой русские.

Молдо Кылыч умер в 1917 году (в возрасте 51 года), не дожив до прихода советской власти. Необходимо указать на одну особенность, которая ранее имела место при осмыслении наследия акына. Дело вот в чем. В академическом издании истории кыргызской советской литературы он рассмотрен в одной связке с Калыгулом и Арстанбеком, но внимания ему уделено значительно больше. Авторы как бы пытались все время «отделить» его от акынов-заманистов. Они высоко оценили поэму «Пир беркута», но при этом строго указали, что у Молдо Кылыча «обнаруживается та противоречивость мировоззрения, о чем отмечено в постановлении ЦК КП Киргизии в 1958 году» [4, с.59]. Иного и не могли сказать, в то время установки руководящей коммунистической партии корректировать было нельзя.

В советский период была установка на то, что акыны-заманисты «поддерживали феодально-аристократическую верхушку, содействуя укреплению ее авторитета в глазах униженных и обездоленных мелких скотоводов и земледельцев» [4, с.54]. В ранге «врагов мелких скотоводов» их и держали вплоть до самого конца советской эпохи. Но народ «врагами» их не считал. Спрашивается, почему случилось именно так,

что именно эту выдающуюся тройку кыргызских акынов – Калыгула, Арстанбека, Молдо Кылыча – советские идеологи запрягли в одну упряжку и объявили «врагами народа». Ответ вытекает из содержимого их творчества, где весьма очевидна преемственная связь. Действительно, они в одной связке, здесь общая тема, общий жанр «замана», общий пафос критики.

Слова акынов обескураживают саркастической обнаженностью по отношению к правителям, они смело (местами даже отважно) бичевали пороки феодального уклада жизни, а их называли «апологетами феодальных пережитков». Где логика, ведь их могли использовать по всем правилам «теории социалистического реализма», использовать точно так же, как использовали литературное наследие русского аристократа Салтыкова-Щедрина – в качестве разоблачителя, срывающего маски с лица угнетателей «трудового народа». А суть логики той эпохи в едкой форме выразил В.Шкловский, она была в том, что «советскому строю были нужны Гоголи, но такие, чтобы они его не трогали» [9, с. 208]. Сегодня все запреты сняты, логика вернулась в нормальное русло. Вопрос теперь в том, чтобы посредством художественного перевода довести наследие кыргызских акынов до мирового читателя. Это достойное наследие.

Список литературы

1. Абдракманов Ы. О культуре кыргызов в эпоху колониализма. – Рукописный фонд Национальной Академии наук Кыргызстана. – Инв. № 336, тетрадь № 1.
2. Арстанбек. Ырлар. – Бишкек, 1994. – 180 с.
3. Бердяев Н.А. Смысл истории. – М.: Мысль, 1990. – 176 с.
4. История киргизской советской литературы. – М.: Наука, 1970. – 542 с.
5. Калыгул. Казалдар. – Бишкек, 1992. – 136 с.
6. Калыгул. Ырлар. – Бишкек, 2000. – 272 с.
7. Молдо Кылыч. Казалдар. – Фрунзе, 1990. – 256 с.
8. Шаповалов В.И. Горящий можжевельник. Избранное. – Бишкек, 2003, Т.2. – 540 с.
9. Шкловский В.Б. О теории прозы. – М.: Сов. Писатель, 1983. – 384 с.
10. Улуу кыргыз кочу. Калыгул, Арстанбек ... – Бишкек, 2000. – 272 с.